

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7>

UDC 316.472.43
LBC 60.561.5

Submitted: 29.08.2021
Accepted: 15.08.2022

THE TEXT OF REGIONAL CULTURE: INVARIANT FEATURES AND SPECIFIC FEATURES

Alexander L. Strizoe

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Victoria A. Khrapova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article makes an attempt at sociological and socio-anthropological substantiation of regionally oriented communication, identifying its prerequisites, organizational features and significance in the context of modern social dynamics. Highlighting the invariant features that characterize regional spaces (internal integration, limitedness, specific subjectivity), the authors show that cultural texts that organize the sign-symbolic reality of a regional scale contain a hidden intention of cultural expansion, not only marking the specifics of regional culture, but also broadcasting the aggregate experience of the regional community. Improvement of the regional cultural text, its entry to the level of metatext, which fixes regional identity in its correlation with the outside world, opens up new prospects for the existence of local communities – the prospects for transregional communications and associations. The internal logic of regional life, conditioned by the unity of the natural environment, history, the level of civilizational progress, as well as the political will of the governing elite, contributes to the creation of specific forms of life, social technologies, and cultural projects. As it appears to the authors, the heuristic of regionally oriented textual activity consists in the emerging concept of co-evolution of internal and external, local and global, built, if not on the ideals of understanding and harmony, then on the ideas of mutual communication and dialogue. The method of identifying invariant features of the region proposed by the authors is used to study the identity of the Volgograd region. Studies show that the symbolic matrix of the culture of the Volgograd region is the concepts of “winner”, “creator”, “unifier”. The approach presented in this study is permeated with the idea of rapprochement of philosophical discourse with theoretical models of sociology and social anthropology, as well as with empirical studies of cultural practices in social anthropology and sociology. According to the authors, only the integration of knowledge about culture makes it possible to expand the horizons of cultural creativity, the possibilities of self-realization of cultural subjects, thereby contributing to the creation of a communicative space and symbolic forms aimed at resolving crises, eliminating contradictions, achieving existential comfort, optimizing life in a social environment. transformation.

Key words: regional culture, text, communication, locality, local value identity, values.

Citation. Strizoe A.L., Khrapova V.A. The Text of Regional Culture: Invariant Features and Specific Features. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 60-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7>

УДК 316.472.43
ББК 60.561.5

Дата поступления статьи: 29.08.2021
Дата принятия статьи: 15.08.2022

ТЕКСТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ИНВАРИАНТНЫЕ ЧЕРТЫ И КОНКРЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Александр Леонидович Стризое

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Виктория Анатольевна Храпова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринимается попытка социологического и социально-антропологического обоснования регионально ориентированной коммуникации, выявление ее предпосылок, особенностей организации и значения в условиях современной социальной динамики. Выделив инвариантные черты, характеризующие региональные пространства (внутреннюю интеграцию, ограниченность, специфическую субъектность), авторы показывают, что культурные тексты, организующие знаково-символическую реальность регионального масштаба, содержат в себе скрытую интенцию культурной экспансии, не просто маркируя специфику региональной культуры, но и транслируя совокупный опыт регионального общества. Совершенствование регионального культурного текста, его выход на уровень метатекста, фиксирующего региональную идентичность в ее соотнесенности с окружающим миром, открывает новые перспективы бытия локальных сообществ – перспективы трансрегиональных коммуникаций и объединений. Внутренняя логика региональной жизни, обусловленная единством природной среды, истории, уровнем цивилизационного прогресса, а также политической волей управляющей элиты способствует созданию специфических форм жизнедеятельности, социальных технологий, культурных проектов. Как представляется авторам, эвристика регионально ориентированной текстовой деятельности состоит в зарождающейся концепции коэволюции внутреннего и внешнего, локального и глобального, построенная, если не на идеалах понимания и гармонии, то на идеях взаимной коммуникации и диалога. Предлагаемая авторами методика выделения инвариантных черт региона применяется для изучения идентичности Волгоградской области. Как показывают исследования, символической матрицей культуры Волгоградской области являются концепты «победитель», «созидатель», «объединитель». Представленный в данной статье подход пронизан идеей сближения философского дискурса с теоретическими моделями социологии и социальной антропологии, а также с эмпирическими исследованиями культурных практик в социальной антропологии и социологии. По мнению авторов, лишь интеграция знаний о культуре позволяет расширять горизонты культурного творчества, возможности самореализации культурных субъектов, способствуя, тем самым, созданию коммуникативного пространства и знаково-символических форм направленных на разрешение кризисов, устранение противоречий, достижение экзистенциального комфорта, оптимизацию жизнедеятельности в условиях социальной трансформации.

Ключевые слова: региональная культура, текст, коммуникация, локальность, локальная идентичность, ценности.

Цитирование. Стризов А. Л., Храпова В. А. Текст региональной культуры: инвариантные черты и конкретные особенности // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 60–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7>

Введение

В последние десятилетия в отечественной философии и обществознании сформировался устойчивый интерес к изучению локальных социокультурных образований. Однако изучение региональной специфики, если оно выходит за рамки описания уникальности конкретных проявлений, сталкивается с недостаточной проясненностью общих вопросов и оснований анализа всего комплекса региональных феноменов. Нет единства мнений в трактовке природы и сущности регионального, специфики их проявлений в различных сферах общественной жизни, факторов регионализации, в характеристике оптимальной модели организации взаимосвязей регионального с иными уровнями социокультурной целостности. Результатом этого часто являются описательность и бессистемность региональных исследований.

Значение и роль региональной культуры и ее текстов обусловлены усложнением процессов регионализации, наблюдаемых как в России, так и за ее пределами [Калинина 2014]. Справедливо отмечая, что дифференциация «центр – регионы» пришла на смену традиционному делению на столицу и провинцию, авторы связывают это процесс с кризисом прежнего политико-правового устройства, экономическими трансформациями, глобализацией, иными проявлениями конкретных социальных изменений [Есин 2009]. В их числе разноплановые и противоречивые социокультурные сдвиги, отражающие динамику технологий, институциональных форм и ценностей. Новая волна региональных исследований связана с проникновением в глубины социокультурной локальности через изучение языков и символов культуры, особенностей влияния ее традиций и образа жизни на макросоциальные и глобальные процессы. Углубление анализа

текстов локальной культуры связано с переходом от констатации их существования или отсутствия к истолкованию содержания текстовых форм, их сравнению и выявлению роли в жизни и развитии региональных сообществ.

Решение этих задач возможно с учетом сформировавшихся в отечественной философии и обществознании двух методологических подходов к изучению региональной культуры, артефактов и форм ее организации: объективистски-дискриптивного и конструктивистского. Первый из них рассматривает тексты культуры как данность, отражающую специфику локального социокультурного пространства, опыт его истории и тенденции дальнейшего развития. Он представлен работами В.В. Абашева, Л.М. Гаврилиной, Е.Ш. Галимовой, Н.А. Голубева, О.В. Лаврентьевой, А.П. Люсого и др. Второй подход сосредоточивается на процессах организации и функционирования текстов региональной культуры на роли языков культуры в создании среды воспроизводства личности и социальных общностей. Результаты его реализации можно увидеть в работах Р.Х. Касимова, И.Я. Мурзиной, Н.М. Смирновой, А.М. Улановского.

Задачи данной статьи заключаются в том, чтобы, выделив существенные особенности регионального социокультурного пространства, выявить их в текстах региональной культуры, а также показать проблемы конструирования таких текстов на примере социально-исторического развития конкретных регионов России.

Методология

С позиций методологического синтеза каждый из двух названных выше подходов правомерен при решении определенных исследовательских задач. В данном случае при исследовании особенностей регионального социокультурного пространства мы будем придерживаться дискриптивных ориентаций, в то время как описание специфики текстов культуры будет дано с конструктивистских позиций. Наше понимание самих текстов культуры и деятельности по их созданию базируется на позициях социальной семиотики. На методологическую значимость семиотического понимания текстов культуры достаточно давно указывалось в современной научной литературе [Андрющенко 2013, 14]. Данный под-

ход апробирован в ряде известных исследований Г.Л. Тульчинского, С.Т. Золянского, Е.А. Богатыревой, В.В. Савчука. Для философского и социологического исследования культуры и ее текстов, по нашему мнению, важно, что социальная семиотика подходит к ним в более широком, чем лингвистический, контексте, полагая, что и язык, и социальная жизнь обладают общей, текстовой спецификой [Фомин, Ильин 2019, 127, 130].

Результаты

Тенденция к локализации (регионализации) пространства социальной и культурной жизни коррелирует сегодня с тенденцией к глобализации. Более того, по мнению В.И. Игнатьева, «воспроизводство важнейших сторон социальной жизни в масштабе мировой целостности возможно, если... она воспроизводится во множестве отдельных обществ, устойчиво развивающих локальную специфику – локальные генотипы» [Игнатьев 2020, 43]. Соответственно центростремительные, внутренне ориентированные силы в региональных пространствах в определенных отношениях доминируют над центробежными, внешне ориентированными. В связи с этим весьма уместно привести определение региона, данное известным исследователем социального управления К. Дойчем, согласно которому регион – группа стран, которые по многим параметрам больше взаимосвязаны между собой, чем с иными странами [Deutsch 1981]. Доминирование внутреннего вектора интеграции над внешним, интравертной интенциональностью над экстравертной может быть отнесено к инвариантным признакам не только региона и региональной культуры, но и всех связанных с ними социокультурных феноменов и артефактов.

Следствием этого является напряженное внимание всех участников региональных процессов ко всему, что включено в них: к физическому пространству и его организации, историческому прошлому природы и общества, коллизиям локальных социальных связей и их знаково-символическому выражению. Проблемное поле региональной жизни задается именно этим внутренним вектором анализа. История региона формирует особые приоритеты локальной ментальности и специфическую иерархию локальных ценностей, отноше-

ние к внешним и глобальным проблемам сквозь призму их связи и влияния на сложившийся внутренний порядок бытия. Внутренняя обоснованность, укорененность в ценностях и сознании населения являются лучшими гарантиями легитимности любого регионального решения.

Вторым инвариантным признаком всех социокультурных проявлений регионального является их пространственная ограниченность. Именно это свойство передается термином «локальный», фиксирующим ограниченность в противоположность безграничному, всеохватывающему, универсальному, глобальному. Это уточнение, на наш взгляд, не является лишним, поскольку в трактовке локального встречается размытость понимания его смысла. Так А.П. Люсый пишет: «“Локал” – не место, не местность, не ландшафт, вообще, не территория как таковая. Он означает привязку физического окружения к “типичным взаимодействиям”, из которых, собственно, и состоят социальные образования. В зависимости от характера социального образования соответствующий “локал” может охватывать и очень ограниченное пространство (жилище, офис, фабрика), и очень обширное (государство или империя)... Локал – размещение социального действия и взаимодействия...» [Люсый 2008, 94]. Стремясь уйти от натурализма и наполнить образ «локала» социально-философским содержанием, автор фактически отождествляет его содержание с содержанием понятия социального пространства, причем в его разных масштабных проявлениях.

Между тем на эмпирическом уровне локальное и региональное противостоят тотальности и универсализму государства (тем более в его имперской форме). На уровне категориальной представленности первое, как правило, соотносится с отдельным, особенным, второе – с универсальным, всеобщим. Что же касается смысловой наполненности локального (регионального) места, местности и территории, то она, на наш взгляд, должна соотноситься не с типичностью, то есть всеобщностью, а с особенностью и уникальностью как моментами типических проявлений, вне которых все региональные характеристики лишаются смысла. При этом специфика регионального как особенного, представляющего мезо-

уровень социальной организации, заключается в его открытости «в обе стороны», когда мезоуровневые структуры организуют работу микроуровня, но при этом последствия этой организации распространяются на макроуровень [Стрелецкий 2012]. Эта двоякая открытость особенно подтверждается и в ходе эмпирических исследований территориальной идентичности, когда именно мезопараметры городской среды обеспечивают «баланс “общего” и “своего”, открывая наиболее надежную перспективу социального сравнения», преломляя через себя «объективные условия существования – город как целое, а также субъективное благополучие», индивидуальные условия жизни [Казакова 2017, 82].

В контексте ограничительной и в этом смысле организующей семантики локально и регионально особенного становится логичным и перенос этих значений на нормативно-ценностную, поведенческую сферу, о котором далее пишет А.П. Люсый: «Итак, механизмы культуры как ограничительной (организующей) рамки жизни, выступают в аксиоматичной форме, не требующей логических доказательств. И локально-ландшафтные рамки сродни этическим рамкам – “по правде”, “по совести”, “не положено”...» [Люсый 2008, 95]. Пространственная ограниченность регионального указывает на пределы распространенности тех особенностей, которые его конституируют. Эти пределы могут различаться, поскольку этнокультурные, поселенческие, конфессиональные, хозяйственные и административные границы не совпадают друг с другом. Следствием этого является тот факт, что специфика одного административно-территориального или природно-экономического региона может определяться сочетанием разных этнокультурных и конфессиональных общностей.

Третьим инвариантным компонентом теоретического дискурса регионального должна стать возникшая и сформированная в локальном (региональном) социокультурном пространстве специфическая субъектность. Эмпирические исследования регионов либо вообще не выделяют субъектной стороны, как его существенного признака, либо описывают конкретные проявления действия субъектов региональной жизни – особенности созна-

ния, социальных институтов и структуры [Ефремова 2017; Кузьмина 2020]. Логично предположить, что региональный субъект представляет собой общность или общности людей, живущих в региональном пространстве или постоянно связанных с ним и осваивающих это пространство в своей деятельности. Природа этих общностей, их организация, формы и способы освоения пространства исторически изменчивы и отражают особенности возникновения и трансформации региона. Тем не менее можно представить общую логику и некие инвариантные механизмы становления субъектности.

Исходной точкой и первым этапом процесса становления, как мы полагаем, является накопление совместного опыта адаптации к локальному пространству, самосохранения и развития в нем. Селекция и закрепление такого опыта начинаются уже с появлением регионального сознания как сознания различий собственного коллективного существования в данном локальном пространстве от существования соседних общностей. Очередной ступенью и вторым этапом кристаллизации коллективного опыта является совместная репродуктивная и творческая деятельность, формирующая обычаи и традиции как значимые культурные нормы и ценности, а также устойчивые во времени и пространстве материальные и социальные артефакты культуры [Михайлов, Рунге 2019]. Такая деятельность обеспечивает «социальное воспроизводство консолидированных... региональных сообществ, основных социально-территориальных групп... участвующих в социальных практиках», что является, по мнению В.В. Маркина, главным критерием региональной социальной организации [Маркин 2017, 83]. Лишь на этой стадии (третьем этапе процесса становления) можно говорить о сформированности регионального культурного субъекта, бытийный опыт которого отражается в текстах культуры. Появление таких текстов и является индикатором накопления уникального культурного опыта освоения определенного жизненного пространства. Следует подчеркнуть, что представленная нами логика является не столько линейной, хотя темпоральная асинхронность, как и во всяком социальном изменении, неизбежна, сколько полифонической, когда к пер-

вому по времени фактору (голосу культуры) постепенно добавляются другие, обогащающие и усиливающие синергетическим эффектом их общее звучание.

Таким образом, регион, как специфическая форма организации социальной жизни и региональная культура, как способ освоения пространства этой жизни, характеризуется объединяющим полем центростремительных интегративных связей, локализованных (ограниченных) в определенном физическом и социальном пространстве и формирующих региональную общность людей как коллективный субъект совместной социокультурной деятельности. Знаково-символическая реальность регионального культурного творчества, уникальность стиля и форм, богатство содержания, отражающего качественную специфику общечеловеческих практик освоения мира, выступает важнейшим признаком, отличающим региональную культуру от других региональных феноменов.

Региональные культурные тексты, организуя знаково-символическую реальность культуры, с одной стороны, фиксируют социокультурную специфику региона, формируют и укрепляют региональную идентичность. Как отмечает Н.Г. Федотова, регионально маркированная кодификация текстов (письменных, аудиальных, визуальных) позволяет представить в полном объеме факторы, конструирующие современную локальную идентичность [Федотова 2017, 40]. С другой стороны, региональные тексты содержат в себе скрытую интенцию региональной социокультурной экспансии, не просто маркирующей его специфику, но и представляющей его окружающему глобальному сообществу, доносящей до него специфический опыт сообщества локального. Совершенствование региональных культурных текстов, выход их на уровень метатекста, фиксирующего региональную идентичность и ее соотношенность с окружающим миром, открывает новые перспективы бытия локальных сообществ – перспективы трансрегиональных коммуникаций и объединений.

Рассмотрим проявление выделенных выше инвариантных признаков региональных феноменов в региональных культурных текстах как специфических артефактах культуры. Доминирование центростремительных

связей придает особый смысл отношениям внутри регионального сообщества и возникающей в этих отношениях региональной повестке дня, тому проблемному полю, движение по которому предполагает разрешение возникающих здесь коллизий и конфликтов. В разных регионах выявляется системообразующая роль разных внутренних связей и отношений, определяющих тематику и стилистику культурных текстов. Где-то довлеет инерция исторической памяти и связанных с ней героических мифологем; где-то доминируют хозяйственные традиции и связанные с ними профессиональные сообщества, порождающие закрепленные в текстах порядок и образ жизни; где-то конституирующую роль играют коммуникативные практики, особенности языка и социальной психологии, находящие воплощение в языке знаков и символов. Однако дело не только в специфике социальных практик и формируемом в процессе их функционирования в каждом регионе коллективном опыте и социальном капитале, закрепляемом в локальных текстах культуры. Внутренняя повестка дня региональной жизни возникает при встрече всеобщих универсальных императивов, данных единой природой, общей историей и достигнутой ступенью цивилизационного прогресса, с политической волей и управленческой логикой, с особым социокультурным контекстом их реализации. В результате этого во многом нестандартного и творческого взаимодействия появляются специфические социокультурные проекты и технологии деятельности, отличающиеся выбором форм и средств, приоритетов и последовательностей шагов, а также темпа осуществления намеченных целей.

Сегодня в отечественной философии и общественном знании общепризнанно, что в основании региональной культуры, а значит, и ее культурных текстов, лежит матрица мифологического мировоззрения. Но что происходит с этой матрицей дальше? Согласно концепции, предложенной С.З. Агранович и И.В. Саморуковой, миф – специфически человеческий способ творения и моделирования мира на любой стадии его развития. Поэтому «смена эпох, а значит, смена экономических, социальных и культурных условий жизни человека – всегда смена мифов» [Агранович, Само-

рукова 1997, 6]. Говоря об исторической динамике культуры, авторы выделили два ее типа: культуру гармонии, которая сформировалась на базе архаического мифа и доличностного сознания, и культуру цели, связанную с формированием монотеизма и идеи трансцендентной личности. Культура цели подразумевает необходимость напряжения воли, преодоление естественного положения вещей и хода событий. Не вдаваясь в оценку исходных посылок рассуждений авторов, обратим внимание на кардинальность перехода от культуры мифа к культуре цели и связь этого перехода с закрепленными в текстах социокультурными программами.

По нашему мнению, этот переход может быть точнее описан как переход от традиционной культуры доиндустриальных обществ и связанной с ней репродуктивной программы культурных текстов к креативной культуре модерна с ее во многом секулярной, демистифицированной текстовой программой преобразования реальности. Это переход связан со сменой системообразующей роли сельской культуры с ее фольклорно-мифологическими сюжетными схемами и текстовой символикой на городскую культуру, расцветшую всем богатством и творческой изобретательностью ее профессионального текстового самовыражения. Любопытно, что сходную мысль о двусоставности региональных текстов мы встречаем у многих специалистов. Так В.Г. Щукин определил локальный текст как совокупность ряда текстов вторичного типа, прототекстом для которых является локальный миф или ряд общеизвестных, расхожих, устоявшихся представлений о данном месте как компактном участке географического пространства с характерным ландшафтом и важными для данной культуры историческими судьбами [Щукин 2012]. Если прототексты ориентированы на программы любования, охраны и воспроизводства культурной традиции прошлого, а иногда и на ее мультиплицирующую трансляцию на окружающее социокультурное пространство, то, по терминологии В.Г. Щукина, региональные тексты вторичного типа созданы по программам, включающим в себя идею культурной преемственности, но нацелены на инновационный ответ на вызовы современности. История российской культуры XX–XXI вв.

показывает, насколько трудно создать и закрепить в национально-государственных и региональных текстах культуры социокультурную программу, не срывающуюся в крайности нигилизма авангарда, с одной стороны, и догматизированного псевдоклассического или псевдоэтнического изоляционизма – с другой.

Конституирующая роль регионального пространства проявляется по отношению ко всем иным региональным характеристикам, закрепленным в знаково-символической форме. Во-первых, региональное пространство «подчиняет» себе время региональной истории: мифологические сюжеты и семантика, равно как и факты писаной истории региона, ценны и значимы не столько сами по себе, сколько в контексте понимания его современных проблем, того, что волнует его жителей. Представляется, что современные региональные тексты построены по принципу топохрона: прошлое региона и память о нем конструируются сегодня в контексте современной социокультурной ситуации, осмысливаются языками современной культуры. Во-вторых, значимость пространства в региональной культурной жизни обнаруживается, в частности, в том, насколько успешно региональные тексты, выстраивая культурный порядок, создают уникальные пространственные композиции и образы, сочетающие колорит прошлого и императивы сегодняшнего дня. Эти образы играют ведущую роль в визуальном восприятии региона, в формировании памяти о неповторимых видах и пейзажах, в закреплении в сознании визуальных силуэтов и символов региона. Способность выросших на региональной почве вербальных текстов выражать неповторимость создаваемого людьми локального жизненного пространства определяет их воздействие на читателя, часто далекого от той или иной локальной повседневности, вызывая у него внутренний отклик, пробуждая значимые личные воспоминания и глубокие чувства. В-третьих, сегодня с сохранением регионального пространства культуры как единой целостной среды человеческого существования связаны риски конструирования региональных текстов. Переструктурируя пространство, изменяя его организацию в соответствии с потребностями времени, субъекты культуры часто идут на поводу

сиюминутной моды и конъюнктуры, создавая визуальные образы, символика и стилистика которых не поддерживают идущие из прошлого связи и традиции.

Технологическая революция и процессы глобализации в современном мире, развиваясь с нарастающим темпом, усиливают тенденцию к унификации современных культурных пространств. «Можно даже утверждать, – пишет А.Я. Флиер, – что локальные культуры сообществ, находящихся на одной стадии развития, по мере перехода от одной исторической эпохи к другой, становятся все менее специфичными по отношению друг к другу. Причем, чем больше ускоряется темп социального развития, тем быстрее утрачиваются признаки локального культурного своеобразия, приносимого в жертву темпам социального развития» [Флиер 2014, 89]. В свете этого возникает вопрос о необходимости ограничения тотальности преобразования пространства региональной культуры и выделения в нем зоны утилитарного функционирования региональных сообществ, в которых конвергенция и унификация будут наибольшими по сравнению с пространствами в максимально возможной мере сохраняющими аутентичность культурной среды и ее текстовую организацию.

Такие ограничения не снимают саму проблему поиска новых форм, стилей и программ текстовой деятельности в культуре, которые бы открывали каналы взаимодействия регионального пространства с внешним миром без потери уникальной культурной специфики. С.З. Агранович и И.В. Саморукова, обращаясь к вопросу о перспективах выделенной ими культуры цели, отметили, что она сохраняет в себе в имплицитной форме идею гармонии и потому может в процессе исторической эволюции привести к становлению диффузной культуры образа-концепта, предполагающей диалог земной гармонии и трансцендентальной цели [Агранович, Саморукова 1997, 132]. Разделяя идею исследователей о движении к согласованию традиции и новации, данного и созданного, можно предположить, что основой новой программы текстовой деятельности региональной культуры станет концепция коэволюции внутреннего и внешнего, локального и глобального, построенная, если не на

идеалах понимания и гармонии, то на идеях взаимной коммуникации и диалога.

В современной теории текста обсуждается вопрос о том, всякий ли субъект способен создать региональный текст как метатекст. Не все локальные пространства создают свои тексты, способные выразить их идентичность. Создатель концепции сверттекста (в нашей терминологии метатекста) Н.Е. Меднис отмечала, что возникновение реальных сверттекстов и потребность их исследования во многом определяются пульсацией сильных точек памяти культуры, пульсацией, настойчиво подталкивающей к художественной или научной рефлексии по поводу ряда культурно и/или исторически значимых в масштабах страны либо человечества явлений [Меднис 2003]. Не без сожаления она констатировала, что ее родной город Новосибирск не имеет своего сверттекста так же, как, по ее мнению, не существует в силу парижского и московского сверттекстов в силу динамичности и центрической неустойчивости бытия этих мегаполисов. Близкий по своему существу случай описывает Л.М. Гаврилина: «Калининградский текст советского периода вроде бы сложился, но он существовал только на уровне идеологии, не затронув уровень социальной психологии, что сделало его крайне неустойчивым образованием, внешним по отношению к культуре, неукорененным в ней. Он рухнул вместе с идеологией, практически не оставив следа» [Гаврилина 2011, 80]. Аналогичными слабостями, по нашему мнению, обладают и другие идеологизированные культурные тексты советской эпохи, например волгоградский.

Как мы уже показали, субъект региональной культуротворческой деятельности формируется по мере накопления опыта освоения регионального пространства. Создаваемые в процессе этого тексты культуры в разной мере успешны в плане выражения региональной культурной специфики. Лишь с возникновением региональной культурной традиции в различных сферах деятельности – художественной культуре, литературе и публицистике, живописи, науке, архитектуре и градостроительстве и т. д. – формируется и закрепляется в наиболее совершенных текстах региональной культуры образ региональной идентичности.

Неудача создания советского варианта калининградского текста обусловлена избранной программой культуротворческой деятельности, построенной на культурном нигилизме, последовательном отрицании предшествующего культурного наследия Восточной Пруссии и даже на сознательном уничтожении артефактов культуры предшествующего исторического периода. Возникший в условиях существования сложившегося сообщества культуротворческой деятельности, но в ситуации отсутствия традиции, соединяющей опыт различных исторических периодов регионального развития, калининградский текст оказался эфемерным артефактом культуры. Аналогично дефицит традиции освоения регионального культурного пространства, связывающей различные периоды региональной истории при наличии субъекта этого освоения мы наблюдаем во многих регионах современной России, в том числе в новосибирском и волгоградском. Пульсация сильных точек исторической памяти, о которой говорила Н.Е. Меднис, порождает региональные тексты, фиксирующие локальную идентичность лишь в том случае, если находит отклик в современности, вызывает смысловой резонанс. Вне субъекта, способного улавливать эти импульсы, такой резонанс невозможен.

Что же касается феноменов парижского или московского текста, а также подобных им урбанистических образований как выразителей локальной идентичности, то возникающие затруднения ее текстовой представленности связаны, по нашему мнению, с особой культурной сложностью самих объектов описания. Их знаково-символическая и смысловая насыщенность выражается в высокой концентрации текстовых описаний на ограниченном культурном пространстве, в их взаимной конкуренции и борьбе за доминирование. Видимо, создание текстов, наиболее точно и полно выражающих идентичность этих культурных пространств, еще впереди. Тот факт, что в истории культуры они не раз предпринимались, не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить оперетту Ж. Оффенбаха «Парижская жизнь» или одноименный мюзикл 70-х гг. XX в., претендовавшие на музыкально-образное воплощение парижской идентичности. Можно указать также на известную фольк-

лорную мудрость о том, что «Москва – это сердце России, а Петербург – ее голова». Пока ни одна из множества уже предпринятых попыток текстового выражения идентичности этих культурных феноменов не была признана эталонной.

Изменения в составе и качестве субъектов региональной культуры непосредственно связаны с текстовым творчеством. Тексты коренного населения дополняются текстами осевших мигрантов. Фольклорные тексты заменяются текстами профессиональной культуры. Наряду с региональной элитой в создании локальных текстов все большую роль играют осевшие в столице и культурных центрах выходцы из региона. Наконец, плюрализация культуротворческой элиты, становление в ней различных школ, направлений и традиций способствует стилистическому разнообразию текстов региональной культуры. На основе этого многообразия региональной культурной жизни становится возможной селекция текстовых моделей, установление связей и смысловой согласованности между ними. Появляющиеся в этой ситуации наиболее совершенные образцы региональных текстов, с одной стороны, образно-символически обобщают созданное ранее, с другой – приближаются к фиксации смыслового инварианта регионального образа, воспринимаемого не просто как местная особенность, но как локальная идентичность.

Спроецируем теперь представленную нами точку зрения на эмпирическую реальность конкретных российских регионов. В качестве примера рассмотрим Нижневолжский регион и одну из его частей – Волгоградскую область. Представляется, что этот выбор, не отражая специфики целого ряда российских регионов и региональных общностей, фиксирует, тем не менее некие общие черты и тенденции, помогающие понять сущность и многообразие региональных социокультурных текстов.

Региональная специфика Нижней Волги формировалась под воздействием единства природно-климатических, хозяйственно-экономических, поселенческих и этнодемографических факторов. При этом административные границы несколько раз перекраивали это пространство, меняли его конфигурацию, в

большей или меньшей мере согласуясь с его культурной спецификой. Так, территория современной Волгоградской области входила в состав Астраханской и Саратовской губерний, а также в область Войска Донского. Жившие здесь малые этносы то получали, то теряли административную автономию, что существенно сказывалось на их культуре.

Сегодня Нижневолжский регион объединяет в себе Волгоградскую и Астраханскую области, а также Республику Калмыкия. Как и прежде, специфика региональной повестки дня и программ освоения культурного пространства определяется природно-климатическими особенностями и этнодемографическими, а также частично хозяйственно-экономическими факторами. Формируемые в культурном пространстве Нижней Волги тексты по-прежнему ориентируются на сохранение традиций жизни на земле, адаптацию к степным и пустынным пространствам, экстремальным климатическим явлениям. Тексты традиционной культуры Нижней Волги по-прежнему центрированы на религии коренного населения: православие, ислам и буддизм.

Переход к текстовым программам развития и инноваций связан с формированием городской культуры и ее доминирующим влиянием в культуре региона. Однако ни в одном крупном городе региона, за исключением Астрахани и города-спутника Волгограда Волжского, эти программы и связанные с ними тексты до конца не сформировались. В случае Астрахани срабатывают природно-географические факторы, поддерживающие традицию рассматривать город как ворота России на Восток, как пространство, живущее изобилием природных ресурсов, которые ассоциируются не столько с богатствами Волги, сколько с запасами углеводородов. В Волжском – большая склонность к созданию инновационных городских культурных текстов, которая связана с отсутствием инерции исторической традиции, поскольку город создан во второй половине XX в., а также с инвестициями в экономику крупных российских финансово-промышленных групп. Кризис и разрушение советской культурной традиции, так и не пустившей в Волгограде глубоких корней, в сочетании с отсутствием экономической ди-

намики в постсоветский период, стимулировали, с одной стороны, реанимацию культурного уклада уездного города, едва ли согласующегося с нынешним статусом города-миллионника. С другой стороны, они способствовали консервации традиционных военно-патриотических культурных текстов советского прошлого, без каких-либо попыток обогатить их новым смысловым содержанием, модернизировать образ города-памятника. Данная ситуация во многом типична для крупных российских городов. Культурный контекст столицы Калмыкии Элисты, как и в большинстве национальных республик России, ориентирован на этнокультурные тексты охранительно-консервативной направленности. Инерция исторической памяти пока не может быть преодолена новыми проектами и созданием новых текстов, модернизирующих культурное пространство республики.

Пространственная локализация региональных культурных текстов Нижней Волги демонстрирует нам как мозаичность регионального топоса, так и подвижность пространственных границ, диффузный характер культурных взаимодействий. Будучи территорией издавна населенной разными этносами, а также начавшейся в XVI в. российской русской колонизации, Нижняя Волга вобрала в себя немецких и украинских переселенцев, мигрантов из других регионов. Сегодня она испытывает противоречивое воздействие миграционных потоков с Кавказа и Центральной Азии. Уникальность этой территории состоит в том, что на ней мирно уживались и взаимодействовали, не теряя культурного своеобразия, разные, в том числе мигрирующие, этносы и исповедуемые ими три мировые религии. Можно предположить, что, за исключением исторических травм депортации и расказачивания, топохрон региональных культурных текстов нивелировал теневые стороны исторической памяти, подчиняя ее прагматике повседневности, вырабатывая устраивающие всех нормы и правила общения. Переструктурирование пространства региональной культуры связано с ее урбанизацией, когда на смену традиционным этническим субъектам культурного творчества приходит транснациональная поселенческая общность. Именно с формированием таких общностей связано появление

в будущем региональных метатекстов, фиксирующих актуальную для современника региональную и локальную идентичность. Как и в других регионах России, конституирование типично городских сообществ на Нижней Волге сдерживается деградацией городской инфраструктуры, что ведет к мультипликации в городах деревенско-хуторского образа жизни и маргинальной культуры. Все это сказывается на качестве культурных текстов, создаваемых в современных городах региона.

Субъектность как определенный ансамбль качеств, реализуемых в практике создания региональных культурных текстов, обращает нас к анализу многообразия и культурного потенциала региональных текстов Нижней Волги. В ее нынешних границах она представлена этническими общностями русских переселенцев с почти забытыми фольклорными текстами крестьян, артелей рыбаков, грузчиков, бурлаков, иных наемных работников, а также с фольклором украинцев, донских казаков. Особый корпус текстов культуры создали немецкие колонисты в XVIII–XX веках. Этническое многообразие культурных текстов Нижней Волги нельзя представить без вклада калмыцкого, татарского, казахского этносов. Доминирование русского и русскоязычного населения в городах региона, формирование интеллигенции и связанной с ней региональной элиты определило облик современного субъекта культурного творчества. Несформированность школ и традиций культурного творчества региональной интеллигенции и элиты обнаруживает себя в том, что лишь единицы из ее представителей возвышаются до создания текстов, претендующих на представление отдельных сторон региональной идентичности. В большинстве случаев казачья идентичность ассоциируется с произведениями ростовчанина М. Шолохова, а лишь потом волгоградца Ф. Сухова. Аналогично идентификационным символом Волгограда стал ансамбль Мамаева кургана, созданный москвичем Е. Вучетичем. С точки зрения проявленности культурной субъектности мы пока лишь приближаемся к созданию текстов, выражающих локальную волгоградскую, астраханскую, калмыцкую идентичность, которая была бы созвучна современной социокультурной ситуации.

Если говорить о символическом каркасе волгоградской идентичности и выражающих ее текстах культуры, то в нем, по нашему мнению, можно обнаружить некоторые общие для российских регионов взаимодействующие смысловые поля. Первое из них связано с реализацией концепта «победитель». Это поле военной героики, доблести и славы, защиты от враждебной стихии. Сегодня в центре данного поля Сталинградская победа, но в нем также и героические подвиги волгоградцев, защищавших наши национальные интересы и государственное единство в послевоенные десятилетия и продолжавших традиции российского и советского воинства. Второе символическое поле раскрывает семантику концепта «созидатель мирной жизни». Это поле повседневного труда и творчества, создающих среду воспроизводства человека, тот самый концепт «дома», без которого во все времена невозможно представить себе человеческую идентичность. По нашему мнению, поиски смысловой представленности именно этого поля в Волгограде далеки от результатов, одобряемых большинством. Здесь возникают наибольшие трудности в освоении регионального культурного пространства. Еще одно значимое для идентичности символическое поле связано с концептом «объединитель», посредник в коммуникации и конфликте. Город, находящийся на перекрестке глобальных международных транспортных коридоров Запад – Восток и Север – Юг, веками объединявший разные народы, религии и культуры, сегодня закладывает традиции общественной дипломатии, диалога на Волге, моста, соединяющего народы и культуры. Социокультурная коммуникация и интеграция усилий сегодня необходимы для самосохранения как локально-регионального своеобразия, так и глобального космоса культуры. Обратим внимание на то обстоятельство, что обозначенные нами символические поля представляют также прошлое, настоящее и будущее регионов, способствуют идентификации субъектов культуры, интеграции их усилий и формированию мотивации достижений.

Выводы

Таким образом, к числу инвариантных признаков регионального, определяющих специфику текстов локальной культуры можно

отнести: доминирование внутреннего вектора интеграции над внешним; сочетание пространственной ограниченности и двухсторонней открытости регионального как мезоуровня социокультурной организации; сформированность локального субъекта, осваивающего социокультурное пространство региона. Проявление этих признаков в локальных социокультурных практиках выражается в текстовом закреплении специфической повестки дня региональной жизни; в топохроне как принципе организации региональных текстов, а также в фиксации и закреплении в них концептуальных смыслов, описывающих разные стороны деятельности региональных субъектов.

Представленный нами подход к изучению региональных текстов культуры пронизан идеей сближения ее философского дискурса с теоретическими моделями социологии и социальной антропологии, а также и эмпирическими исследованиями культурных практик в социальной антропологии и социологии. Лишь интеграция знаний о культуре позволит расширить горизонты культурного творчества и самореализации его субъектов, способствуя тем самым созданию новых текстов культуры.

Накопленный опыт теоретического моделирования текстов культуры ставит вопрос о социологической операционализации имеющихся в нашем распоряжении теоретических конструктов, о поиске согласующихся с ними индикаторов, допускающих социологическое измерение, изучение социокультурной локальности при помощи количественных и качественных методов. Без перевода проблематики региональных текстов в плоскость конкретных социально-антропологических и социологических исследований вряд ли возможно углубить наш анализ механизмов формирования локальных идентичностей, функционирования культурной повседневности, их знаково-символических порядков и констант. Без таких исследований трудно избавиться от надуманных теоретических схем и мифологизации многомерного и динамично изменяющегося социокультурного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агранович, Саморукова 1997 – *Агранович С.З., Саморукова И.В.* Гармония-цель-гармония.

- Художественное сознание в зеркале притчи. М.: Междунар. ин-т семьи и собственности, 1997.
- Андриющенко 2013 – *Андриющенко И.А.* Теоретические модели изучения региональной культуры: проблемы методологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.А. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2013. Т. 24 (65), № 3. С. 9–16.
- Гаврилина 2011 – *Гаврилина Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 75–83.
- Есин 2009 – *Есин Р.О.* Современный регионализм: новые направления в теории // Проблемы управления. 2009. № 3 (32). С. 170–181.
- Ефремова 2017 – *Ефремова К.А.* От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // Сравнительная политика. 2017. № 8 (2). С. 58–72. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72>
- Игнатъев 2020 – *Игнатъев В.И.* Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 37–46. DOI: [10.31857/S013216250010024-9](https://doi.org/10.31857/S013216250010024-9)
- Казакова 2017 – *Казакова А.Ю.* Субъективное качество жилищных условий и территориальная идентичность горожан (на материале опроса жителей МО «г. Калуга») // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 1. С. 62–87. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5002>
- Калинина 2014 – *Калинина О.С.* Сущность и тенденции процессов регионализации в России // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2014. № 21. С. 76–80.
- Кузьмина 2020 – *Кузьмина М.А.* Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 27–36. DOI: [10.31857/S013216250009297-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009297-9)
- Люсый 2008 – *Люсый А.П.* Новая жилплощадь мысли: текстуальная революция и локальность // Философские науки. 2008. № 12. С. 88–96.
- Маркин 2017 – *Маркин В.В.* Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 12–13 окт. 2017 г.). М.: ФНИСЦРАН, 2017. С. 82–87.
- Меднис 2003 – *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003.
- Михайлов, Рунге 2019 – *Михайлов В.Т., Рунге Й.* Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62. DOI: [10.31857/S013216250003747-4](https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4)
- Стрелецкий 2012 – *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения, система индикаторов // Псковский региологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.
- Федотова 2017 – *Федотова Н.Г.* Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 3. С. 32–49.
- Флиер 2014 – *Флиер А.Я.* Избранные работы по теории культуры. М.: Артем: Согласие, 2014.
- Фомин, Ильин 2019 – *Фомин И.В., Ильин М.В.* Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 123–141. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6822>
- Щукин 2012 – *Щукин В.Г.* Как и почему рождается литературный локальный текст // Парк Белинского. 2012. № 1. С. 30–47.
- Deutsch 1981 – *Deutsch K.W.* On Nationalism, World Regions and the Nature of the West // Mobilization, Center-Periphery Structures and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan. Bergen: Universitetsforlaget; N. Y.: Columbia University Press, 1981. P. 51–93.

REFERENCES

- Agranovich S.Z., Samorukova I.V., 1997. *Harmony-Goal-Harmony. Artistic Consciousness in the Mirror of the Parable*. Moscow, Mezhdunar. in-t sem'i i sobstvennosti.
- Andryushhenko I.A., 2013. Theoretical Models of the Study of Regional Culture : Problems of Methodology. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.A. Vernadskogo. Seriya «Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya»*, vol. 24 (65), no. 3, pp. 9-16.
- Gavrilina L.M., 2011. The Kaliningrad Text in the Semiotic Space of Culture. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, no. 6, pp. 75-83.
- Esin R.O., 2009. Contemporary Regionalism: New Directions in Theory. *Problemy upravleniya*, no. 3 (32), pp. 170-181.

- Efremova K.A., 2017. From Regionalism to Transregionalism: Some Theoretical Conceptualisation of a New Reality. *Sravnitel'naya politika*, no. 8 (2), pp. 58-72. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72>
- Ignat'ev V.I., 2020. Social Locality in the Age of Information and Network Glocalization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 37-46. DOI: 10.31857/S013216250010024-9
- Kazakova A.Yu., 2017. Subjective Quality of Housing Conditions and Citizens' Territorial Identity (Based on a Survey of Residents of the City of Kaluga). *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 23, no. 1, pp. 62-87. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5002>
- Kalinina O.S., 2014. The Essence and Trends of Regionalization Processes in Russia. *Strategiya ustojchivogo razvitiya regionov Rossii*, no. 21, pp. 76-80.
- Kuz'mina M.A., 2020. Mesoanalysis as an Interdisciplinary Methodology in Social and Humanitarian Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 27-36. DOI: 10.31857/S013216250009297-9
- Lyusyi A.P.A., 2008. New Living Space for Thought: Textual Revolution and Locality. *Filosofskie nauki*, no. 12, pp. 88-96.
- Markin V.V., 2017. Social Space of Russia in the Regional Dimension: Sociological Analysis, Modeling, Monitoring. *Rossiya i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoy modernizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 12–13 okt. 2017 g.)*. Moscow, FNISC RAS, pp. 82-87.
- Mednis N.E., 2003. *Supertexts in Russian Literature: Textbook*. Novosibirsk, NGPU.
- Mikhailov V.T., Runge I., 2019. Identifications of Individual. Territorial Communities and Social Space: an Attempt of Conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 52-62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4
- Streletskii V.N., 2012. Cultural Regionalism: Concept, Research Issues and Basic Indicators. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 14, pp. 9-21.
- Fedotova N.G., 2017. The Formation of Urban Identity: Factorial and Institutional Aspects. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 20, no. 3, pp. 32-49.
- Flier A.Ya., 2014. *Selected Works on the Theory of Culture*. Moscow, Artem Publ., Soglasie Publ.
- Fomin I.V., Il'in M.V., 2019. Social Semiotics: Paths Towards Integrating Social and Semiotic Knowledge. *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 25, no. 4, pp. 123-141. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6822>
- Shchukin V.G., 2012. How and Why a Literary Local Text is Born. *Park Belinskogo*, no. 1, pp. 30-47.
- Deutsch K.W., 1981. On Nationalism, World Regions and the Nature of the West. *Mobilization, Center-Periphery Structures and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan*. Bergen, Universitetsforlaget; New York, Columbia University Press, pp. 51-93.

Information About the Authors

Alexander L. Strizoe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology and Politology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Victoria A. Khrapova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Информация об авторах

Александр Леонидович Стризое, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Виктория Анатольевна Храпова, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>